

Первое неопалимое прещение земель

Мой отец... то, что я называл отцом после того, как он направился ко Белому Туману: он был искалечен: сильно искалечен, и ухаживал я уже за потерявшим главные основания рассудка своего человеком: за человеком, не могущим самостоятельно встать: человеком, требующим помощь и при тех чрезвычайно редких приёмах в пищу того, что человеческий желудок вовсе способен переварить; отец мой, которому оторвало правую ногу и овисшую рябыми крапинами отемневших сальными корами надрывно болтающегося наростами сомоглевших, прирождающихся рвотами падений освоих руд мяса жиров часть живота, был выплюнут снедаемым коченениями вотвердевающего прежности отех ослабленных волей человеческих ужаса, срушающим красные здание Иерусалима во отвергающих милостях приподнятых бровей красных диаволов скатившего того ко проникшемуся пятнами рвущихся нитями блестящих розовин глаз углу лабиринта гигантом Вечного Смерча близ нашей ямы, о которой знали довольно многие, и даже после того: даже после этого он выжил; отец был единственным за крайний век наш, кто решился шагнуть в Белый Туман: именно он: именно отец говорил мне, что гигантская яма в Коринфе может открыть путь к нашему процветанию, что яма, полагающаяся на деле на том же уровне, что и наше поселение, есть ключ ко завершению наших страданий: к концу голода и звериного людоедства, что распахивались радужными, ходящимися перламутровыми, считающимися солнцами впирающихся острыми резами лучей осерениями безмолвных, ударяющих трупы безвинных о тяжёлые ножи следающихся со глориановых кор воозревшихся поредениями иных сил древ камней умираний искрами чёрной, сдавливающейся ужасами небес человеческой боли маслянистыми отелесневшимися бутонами во наших местах. Наш город... наше поселение, которое тяжело назвать иной однозначностью, не имеет имени: мы находимся здесь, и несносимыми пытками приходится озревшие единственностью нашего рождения, упирающиеся могильным неомилением слабостей наших мгновения, однако во истории не будет даже названия месту, обagrённому вязкой, стекающей по остенкам улиц невоовеченными слизнями кровью; мы живём во ямах, обыкновенно усердною, прокусывающей оболочки наших страхов, настоящих боязней человека внимательностью замаскированных о те кошмары, что обретаются во поверхностях прокажающих осмертными, снимающими скажёнными болезнью страха души скальпом холодами земель наших, хотя каждый: каждый из нас знает, как найти места обитаний иных семей; смерть здесь есть не то, что представляется человеку во возможности борьбы его, но ужасом: ужасом, настигающим беспрекословною точностью своей воли: от него нельзя сбежать: нельзя даже представить, чтобы живший здесь не умер самым

безобразным мучением, и смерть: смерть дышит в наши шеи копотью слюны, и слюна эта разъедает смердящие пролежнями повиновения кожи наши, и мы смотрим: мы смотрим, как тела наши пухнут гноем: мы смотрим на это, и участь эта есть самая безобидная из возможных здесь. Земли наши чёрно-коричневые: они лишены не только солнечного, будто некогда и бывшего ярче света, но цвета земель и плотей наших: небеса наши оплёваны соболиными чернилами, и мы боимся: мы боимся выйти из грязных, воняющих пухлыми язвами нашими, облёскивающихся дьяволами прокажённых желтизной тела смол укрытий, ибо вне дома: вне дома только смерть... только смерть имеет здесь власть: давно уже никто не пытается захватить право воли, ибо править здесь нечем: ибо даже при самых хитрых манипуляциях стратегий: ибо даже в самых изуверских подходах ко избирательности выживающих никто не спасётся: здесь нет жизни: здесь нельзя сделать ничего, что претворит в реальность возможность выжить: никто: никто не может сказать здесь ничего уверенно, ибо места эти есть воплощённый во плоть наказанием Господа кошмар; женщины почти полностью извелись, и потому скоро все мы закончимся: очень скоро сотни тысяч людей, шумным молчанием копошащихся во бесцветной черноте смерти, окончательно выроются: здесь не живут более двадцати лет, и только мой отец: только отец мой был живым чудом: только он взывал во мне надежду: только он, тридцатилетний старик, воспалял во мне волю к жизни и совершенно необычное, невероятное местным радение хоть во малостном, озванном действительностию нерябин занятий оздесь проявлении своём. Если число настоящих жителей и кажется значительным, нужно учесть, что прежде нас было около пяти миллионов: конечно, никто не подсчитывал местных жителей значительностию единиц: мы были и есть только мелкий, дохнувший неспространимой ко верхам отдалениями накравшихся легендарными во редких узнаваниях отдельных гласов склонов вонью мусор: мы стоптались случайностию воли гигантов: мы не должны были выжить, и потому даже настоящее наше положение есть вымученные последние издыхания наказанных своим послушанием народов: нас не могли посчитать отдельностию, да посчитали толпами мяса, которым мы обыкновенно оседали во определённой территории; мы не знаем своей истории: примерно половины из населяющих наши земли не владеют речью, и давно сточились последние факты мертвенным отрупением голодной боли: мы не знаем, как назывался наш народ: мы не знаем, кем он являлся, однако мы не можем сомневаться в этом: мы знаем, что Господь ненавидел нас, и ненавидел не за ошибки наши, но за ошибки предков. В наших землях много молятся: в наших землях очень много молятся, однако я отказался от молитвы: когда в обрушившийся оскалениями просыпающихся тяжелениями свёрнутых влагою во тёмные пятнистые рябины крови недавно умершего облиз от прилетевшего с неба крупного острого серого, безмолвно стукнувшего серения обломанных отянувшимися ужасами болезней нитями жизней наших

камня два неприветливых, после укравших все наши заготовки из кожи, которую мы планировали жевать ещё неделю, человека песков рвов дом наш притащили дрожащего открытыми, покрасневшими возбуждениями нажиреющихся смазами сумасшествия сосудов глазами своими отца, оставшегося теперь только еле одерживаемся во здравии, будто и обретшемся одно странной благодатной воспалённостью, сходящейся с мест Вечного Смерча, мясом, я возненавидел Бога, и тогда я понял, что цель жизни моя есть спасти наши безымянные, угнетаемые бесцельным гневом Господа земли. Чёрные: чёрные дни: дни тянутся, и тянутся тяжело: в шепчущем оставшейся во темноте нашей ямы, взрывающей на себе милосердно протягивающуюся ей ко мне осквози блестящие трупы бурдовых темнот плоть, сидящей уродливым жирным, оттого совершенно неповоротливым, изъевшим лица свои рваньём кож созданием мразью голоде я выдумывал: я думал, чем я могу занять себя: что возможно такое представить в наших землях, что не умрёт: что не придавит тебя ужасом смерти: что сможет отвлечь от неисцелимых, проходящихся конечностями гибелей диабетов, звенящих шумами гибелей гнойных язв: что прибавит: если не прибавит, то впервые означает: что оявит здесь: в этих землях... жизнь; с задачей этой я не справился: я не мог с тем совладать, и потому единственные виды, что представляли предо мною, были безобразные страшные создания, непрекращающимся зычным частым хохотом кричащие на меня гнущимся гоготом звона: я сидел в отдалении: в самой дальней части бесцветной, оболганной мгою смерти ямы, и во противоположной стороне создание своими блестящими, окровавленными животными сдавленностями слезающей дёргающимися копотливою резвостью глистами плоти глазами оно смотрело на меня: смотрело оно, глухотою скипающей трелями сдавливания крови смеясь, и смех этот сводил меня с ума: иногда я чесал свои язвы, чтобы боль отвлекла от желания выйти наружу: наружу, где была только смерть: во наружу, куда выходили мы только во крайней: в самой крайне, граничащей со смертью необходимости, всё остальное время оставаясь во черноте мокрой, шипящей гулом наших болезней ямы; стылая, опьявшааяся состригшимися металлическими, отравленными отостранёнными холодами натвердевших полнотами назревших оранжеватостями охрустающих тупениями осмалевшихся трупениями трясущихся розовин укрывшихся остевшихся искр начинённых-де восамостиями отне затёртых окриков веняющегося клыками наросших на скажённых колечною безобразностью лицах ржавчин страха падений сребристостей рож различений нарывов опухолей пленений пременениями кольями мхами сарайная сырость возеленевшего бледностью спутанных плещущимися краснотами оправленных теней скатившихся смывающею чернотою начавшихся длинною белёсою болотностью услоенных узористыми, начинёнными остриями нарвавшихся длинными полосами вокрасневшихся шаров оранжеватых безмолвных невочувственных, накроенных ко тебе прямою ослов блесков

позвонков задами и передами форм миров оболочек иглами зубов молчания, более не оставившего выбора: оплодотворённая телесной, сажевой упрямостью сворачивающихся петлями сожаренных оглубившимся пружинами сменившихся особенностью графитных листовых черевей воссветлёвшихся чистых крон окружностей клеймом теней, спущая свёрнутыми внутрь вывалившимися, оплетившимися означенной пятнами набившихся оглублениями глаз мордой органами, укусанными повторёнными сорезаниями набурдовевшихся линий ногами, продолжившаяся раздвоениями соединённых мостами рогов, свернувшихся плетями узреных накраёнными шипами несведующихся жабрами одалее спиц контурами наростов частей фигура темнота навлечённой, окоенной тяжёлой влагой земли, в которой в меня смотрит: в которой о меня упёрлось существо: бесформенное худобой чёрных, начинивших на себе хрупкости тонких пористых, продолжившихся кругами язвующих чешуй кож костей его тело свернулось во противостоянии молитве, и он смотрел на меня, и вязкий грядами масс гогот этот смотрел на меня, и оскал его наставлялся нефритами плещущей вязаниями отвалившихся весами бетонов жизни кусков плоти; оно смотрело на меня, и рядом помешанной хрипотой стонал мой отец, обыкновенно лежащий на правый бок, будто смотрящий на меня, как смотрит на меня оно: отец смотрел, и всё шире открывались стгнившиеся червями, почерневшие впадинами дыр глаза его, и словно видел он меня, и тогда морщины его сминались удивлением, и он мычал: он снова: снова и снова мычал: снова он требовал, чтобы я массировал его культи: чтобы я сжимал в руках красные рубцы его обезображенной, преливающейся узорами напевшихся мучительными заживлениями пятен плоти, и только тогда: только тогда, еле ударяя меня, он успокаивался: только тогда он ложился на правый бок и снова смотрел: и снова во темноте вымышленных бредом блесков появлялось существо: и снова оно начинало хохотать: и снова я схватывал себя за руки, и снова я валился непрекращающеюся, сдирающею кожи мои дрожью, и мне было страшно, и снова я голодал, ибо только голод: только голод был моим единственным занятием. В тот день мой отец хрипел больше обыкновенного, и я испугался: у меня не было плана или цели, но в смолкшем хохоте создания я полез наружу, и проход этот был тяжёлым; и без того я был довольно большим: возможно, даже слишком, и именно оттого те мужчины притащили моего отца: они думали, что сила моя становится пропитанием: они думали, что сила может что-то дать в этих землях, однако в них ничего не было, и потому ничто не могло помочь; мужчины боялись нападать на нас, и потому воспользовались хоть тем шансом, зная о моём отце: моего отца знали: среди миллионов отчаявшихся до людоедства никто... никто не решался войти во Белый Туман, ибо он был гораздо: он был неизмеримо страшнее кажущихся совершенным концом, кажущихся пределом того, что способно сохранить во человеке жизнь и с тем пытаться самыми законченными страданиями, мучений здесь. Мой отец изменился: я знал это, и знали

это все со здешних земель: были даже те, кто смеялись над решением моего отца: эти уродливые люди с отвалившимися ушами смеялись над моим отцом, пережившим попадание в Белый Туман; я ненавидел их, однако это было не новым для здешних жителей: всем было страшно, и страх этот обратился во спасительную предметом своим ненависть: мы ненавидели друг друга, ибо это было единственной формой того взаимодействия, в котором мы могли хоть как-то выжить: мы не были в тесноте теплоты вавилонского плена: мучения, которые мы переживали, сокрушили нас, и от душ наших ничего: совершенно ничего не осталось. Отец не ел: я давно заметил, что восстанавливался он удивительно быстро: что тело его чрезвычайно сильно, что только помутнившийся рассудок мешал ему... что только он не позволял ему рассказать людям о том, что полагается за Вечным Смерчем, ибо никто никогда не заходил далее; отец не нуждался в пищи: если первое время то было скорее дерзновенным, жертвующим им риском с моей стороны, то после я уже смиренной радостностью принял необязательность поисков съедобного для двух человек: отец не ел, однако сегодня дело было не в этом: мне казалось... мне казалось, что душа его кончилась: что более нет в нём того, что могло бы продолжать эти нескончаемые пыточные стоны: что он умирает. Я лез: продирая кожи свои острыми ножами камней, из которых состояла земля, и свистами дрожащих болью плотей я пытался пролезть чуть дальше во тоннеле примерно трёхметровой глубины... однако он был завален: в яме мы могли дышать, и потому я знал, что проход ещё оставлял в себе продолжительности дыр, позволяющих мне пролезть: двое суток я резал себя камнями, и за двое суток я продвинулся только на взмокший моим потом, смешавшимся со пустившей в себя черноту сгустков грязной, смывающейся опухольями глаз земли кровью, метр: в рокошующем, дубеющем пустотою комкающихся шершавыми кистами земель гуле я застрял, и оглашающиеся воплями стыда рыдания мои затаили шею тугою болью, и я уснул. Во сне я ничего не видел: вероятно, явись то существо ко мне и во сне, душа моя не стерпела бы: душа моя сточилась бы, как сточилась душа отца: я бы не смог снести этого, ибо пустота: обсидиановая пустота темноты, в которой я ещё мог дышать, смягчала ужас, что пробивался во хохотах жизни, оплёвывающей лица мои уродливым пренебрежением. Я проснулся, и проснулся я раскатами ненависти, и красные тела мои слезли остывшей чёрной кровью, и я начал рвать: во криках, теперь сменяющих горла мои, я рвал землю, и за три часа, обуглив руки свои полностью оголённым, сочащимся слизнями масел мясом, я прорвал тоннель на поверхность, и крики мои открыли лица, и глаза мои стекались кровью, и глаза мои были черны. Пробившись наружу, в отдалении пяти метров от меня влетел гигантский, чудом не спелеливший могущей облачиться во некасанья бурдовых, разможжённых тяжестью, способной прежде и покрыть тоннель не землёй во окончаниях моих заточений, мяс ватой тела мои валун, и валун этот снёс двух людей, лежащих подле выхода тоннеля в нору мою: люди

эти хотели напасть на меня и ограбить яму. Глаза вспухли воспоминаниями сил поверхностей, и я бросил нашу яму. Ониксы всегда поднятого песками беспроглядной, оставляющей навсегда места эти чернильности пепла мешали видеть далее десяти метров, и пески этих угольных крупниц резали глаза мои, и на поверхности было жарко: за мгновение я опотел, хотя и был наг, как были наги все здесь; я шагнул: неловким боязливым, означившим только точнее язвы громогласных, раскатывающих и прежде слышащие ужасы этих ударов земли взрывов в отдалении хрустом я наступил оперёд: я наступил другой ногой, и во уже несносимом, просачивающемся смрадом гниющих тел жаре преисподней я побежал: если бы я мог закрыть глаза: если бы я мог не смотреть на это... однако я не мог: я выпученными ужасом красными кистами упирался во часто мелькающие мимо, разорванные стихией или другими людьми тела, и вокруг вздымались тяжёлые, взрывающиеся окраениями светящихся салатовыми блёстками скоростей видов своих большие камни: вокруг летали оборванные конечностями человеческие тела, и меня ударило: меня отмело отрубленным, взмокшим кровью торсом, и ещё пробившееся жизнью во очерневшем пустотою пепла взгляде ко мне лицо тут же сомкнулось бесчувственностью белого умирания: я сбросил с себя тело, облившее меня маслянистыми слоями посеревших крошкой камней руд: я встал, и меня тут же сбили с ног бегущие люди: не заметив меня во мешках других, лежащих вечною болотной тишиной мокрых тел, они трижды ударили быстро топающими ужасами ногами череп мой, и во трёх метрах от меня их догнал человек со длинной тяжёлой железной дубиной, на которую были шматками толстых, скривлённых кудрями ржавчин лесок прицеплены лезвия, сделанные, видимо, из человеческих костей: чтобы не подавать видов жизни, я продолжал не моргать, и я видел: я видел, как человек вспарывал им спины: и я смотрел на него: смотрел, пока он не упёрся в своих безумных, скрывающихся болью взглядах ко мне глазах ко мне: тогда он замедлился, после шагнув в мою сторону: молчаливым ужасом опёршись о руку, я неловкою, уже несносимою от ударов болью, едва увернувшись от лезвий, встал: я побежал, и человек побежал за мной: он кинул ножи в мою сторону, однако не попал, и ещё полчаса он бежал за мной, пока его не стёрло грядой слетевшейся сюда оверху морозной, убившей его тут же воды: не оборачиваясь, я бежал: бежал, зная, что остаюсь всё в той же опасной близости моей ямы: я бежал, и предо мною взрылась земля: раскатистыми дубениями спившихся ужасами звуков меня взмыло ввысь, и во расколовшуюся графитною глиняностью дыр землю провалились люди, крики и удары о камни которых я ещё слышал: я продолжал бежать: я бежал, и скоро земли воспалились нескончаемыми клыками башен своих огнями: в меня бежали горящие, оставшиеся за пеленою корок сгоревшей чёрной плоти люди, и люди эти умирали: я бежал: глаза мои более не смыкались, и мусор смерти на мне навис маслянистыми слоями этих земель: летевший в мою сторону камень чудом не убил меня, только далеко отбросив, и во

задыханиях своих я полз по чёрной земле пыли: я увидел тоннель, ведущий к моей яме: уже не надеясь выжить, я полз к спасительной черноте голода, и скоро, закрывши вход сотревшейся ко верхним частям норы землёй, я влез в яму, почти в ней не застряв: только чуть сломив спину неудобной, еле резавшей плоть мою теми же камнями болью; я выпал в яму, и пустота её молчания тяжёлым обухом нависла во мне: я подошёл к отцу, и отец мой не дышал: я обнял его, и тогда я проклял Господа: тогда я пообещал не встретить вызовом лицо его, но сокрушить Бога: доказать, что он был несправедлив: показать, как этот каратель: как этот мучитель обрёл на страдания всех, кто оказались в этих землях: всех, кто пали стихией, насланной сюда Господом. Далеко не всегда поверхности земель подобны тем, что я сейчас встретил: часто люди только молятся, умирая от голода во отказе от людоедства: нередко люди даже разговаривают друг с другом, чем и проносили слухи насчёт моего отца, Белого Тумана, Коринфа, скал и Вечного Смерча, названных подобным эмпирическим некрасноречием, видимо, именно во специфике своих зарождающихся распространений... то всегда было случайным, ибо земли эти: ибо миры эти противились жизни: ибо были они кошмарны и безобразны. Я вошёл в нору: казалось, я зычным, сточающим места эти гневом разрывал плотности земель собою, и очень скоро я оказался на поверхности: покрасневшие чернотой уже пременившегося на ненависть ужаса глаза мои оседали воронами беспроглядной темноты кругов вокруг них, и я смотрел вдаль: окромя застилающего всё во ближайшие десять метров песка пепла ничего не было видно, однако я видел: я знал, что там: я знал, что цель моя там, и я побежал: побежал уже совершенно другой, уже иной оцеленностью: шаги мои были сильны и громогласны, и со шагами своими я провожал направленные ко Господу крики: я ненавидел всё: я ненавидел всё, через что Господь заставил проходить этих людей, и я разбивал перед собою скалы кошмара: я мчался, и некто даже и устремлялся за мною не желанием убить, но последовать, однако тех раздавило скалами упавших грозами воплей камней: я бежал три дня, и видел я нескончаемые орды пригодных только прикрывать друг друга смрадами народившейся сменениями сил копоты трупов: я видел мучимых, однако не видел мучителей: людоеды и убийцы не были причиной их смерти: все эти страдания навлёк на них Господь, и именно ненавистью: именно несточаемою жарами ненавистью я сшибал опереди себя железные деревья одырявленных языков: я разбивал материю, и очрез день я вышел из пепла: я вышел из пепла во безмолвные раскаты тишины, и тишины этой боялись гораздо более смерти. Если я вышел из непрекращающегося грома ужасов, значит... значит, я приблизился ко Белому Туману. Я придвинул молчащие болью проклятия глаза, и осохшие копотью чужой крови, дыма, земли и гноя руки мои скрылись из вида моего, и предо мною возникла гигантская белая стена: стена эта раздавала прохладную мокрую влагу, хотя и была чрезвычайно далеко от меня: меня манила стена шипящего, свивающегося узорами

нескончаемой власти своей холода, и я произвольным немислием пошёл к ней, и всё более ветер со Тумана резал кожи мои, и всё более меня сбивало водой, что неостановимыми, петляющими во воздухах брызгами и представляла Белый Туман: я падал: много падал, однако после я вставал, и блестящие даже детским трепетом тела мои нетерпеливой медленностью топали вперёд, и через пять часов я вошёл во тесноту продолжающихся выстрелами игл плесканий: передвигаться здесь было легче, ибо вода была не ко бокам своим, но вниз, однако пули водных, летящих со невероятной скоростью шприцов пробивали кости мои и кожи, и за час нахождения во Белом Тумане с меня снялась вся кожа, и открытыми уже навечно глазами меня ураганом резкого удара вод вышвырнуло из белёсых резей ужаса, к которому я никак не подготовился. Я дрожал: я дрожал, и с тела моего текла маслянистая, шафрановая ссыханиями жаров моих густота, что словно единственную должностью спасала меня от смерти: ничего не видя, я шёл, и медленно топающие шорканьем умираний ноги мои роняли локоны падающих оземь мышц, и тогда передо мною возникли тяжёлые груды гор, на которые я медленной случайностью неловких движений влезал: я не чувствовал и не был здесь, однако шевеления означали мои неумирания, и за неделю продолжающихся дрожью срывающихся своими волокнами, прокажающихся краснотами тел мучений я взлез ко холодным, блестящим матовою глыбой смерти камням, и камни эти были необычны: восставшие будто слитыми единочностями цельностей своих жилами камни стекались ко верху, и во момент, когда я восстал ко верхам гор этих: в момент, когда я придвинулся наконец ко небесам тех величий, произошли две вещи: я увидел: наконец взглянув впервые за нескончаемые страдания пробивающейся болезнями смерти души своей: я увидел, что горы эти были нападшими здесь подобностию падений людей земель моих мёртвыми гигантами, и окоял я на носу окаменевшего расколами мечей гиганта, что расставшимися овольными сдвлияниями лежащихся бесконечным размером своим рук конечностями своими тяжелел мхами пустынь, и тогда я, давно не имевший кож и жиров, лишённый век и носа, облестел глазами своими, и тогда мышцы на лице моём даже несносимою болезнью оскалились во улыбке, и тогда я был готов умереть: только немного помыслив об этом, я спепелил пустоты оставшегося тишиною слившихся ветрами господ небес мгновения, и меня затянула сила: меня затянула невероятная, совершенно чуждая человеческой душе сила, ибо удары ветров, теперь мотающих меня отпадениями отдельных органов, могли расколоть материки, и во небесах, что я случайною поражённостью предсмертного интереса смог рассмотреть, были фантастические, колоссальные размерами своими массы вод, сливающих себя пожираниями сокрушающих друг друга слоёв: сдирающие миры, полагающиеся во воздухе своими мощными, дерущими пространство ураганами океанские волны шумели тяжестью землетрясений, и вид тот меня поразил: и я сомкнул лишённые век глаза: я чувствовал, как

отрываются мои руки: я чувствовал, как живот мой лишился и олившегося со чудовищем смерча кишечника, и невозможная власть стихии убивала меня, и тогда тело моё: тело, не имеющее никакого значения во бесконечности неостановимой, способной спарить все земли и за Коринфом мощи, было выплюнуто во холодные воздушы теперь обыкновенных, теперь совершенно ясных единственностью сказаний во наших землях облаков, что сами спарили глаза мои вновь: я летел: казалось, я летел часами и днями, и во конце полёта своего я увидел край: я увидел землю, что отстранялась гигантской, ставшей краем мира скалой от пустоты мира, от которого я прибыл: я знал: очарованными могильностью срастающих от меня цветов телами я знал, что вижу край Коринфа, и мышцы рта моего порвались разливами счастья, и тогда тело моё ударилось под скалой: о место, что было отдалено пятью метрами от земли, которой никто из моего народа никогда не касался: меня разmozжило о каменные глыбы скалы, и я начал падать: я падал, казалось, нескончаемыми годами, и время само сказилось во мне, и тишина истины коснулась тогда меня, и тогда-де: я воскрес. Тело моё было обито благовонными белыми глянцами свежести, и сам я светился жизнью: я ничего не понимал, и зелёная яркая трава вокруг меня сперва лишила прочности уверения во своё впечатление: ужасом ожидания я чуть повернулся, краем уха заметив исполинские шумы Вечного Смерча, и дошедшие позже остального тела трусливым нежеланием реальности глаза мои увидели, что Смерч далеко: тогда же я обернулся ко скале, павшей опереди меня и не имеющей имени, поскольку никто из моих земель не доходил до этих мест: я видел бесконечные серые разводы камней, и тело моё смягчилось блаженною праздной радостью: и тогда расхохотался я, и тогда окричал я самым настоящим, самым истинным счастьем, и тогда что-то сзади ударило меня: что-то начало безжалостной животной грубостью волочь меня по земле, срывая с обновлённого детской чистотою лица кожи и стучающиеся шматками рванья жиры, и тогда я замолчал, и тогда оцепенел, взглянув на существо, тянувшее меня вперёд: существо имело поверхности свои, сходные со человеческими кожами, хотя крупная, продвинутая гладкой ровностию голова его была обита длинными острыми клыками, и имело существо две толстые мощные ноги и подобие окрытого бесцветными, сопровождающимися рыхлостью жабр венами хвоста спереди, которым то и схватило меня: оно не имело глаз, и вонючие, сливающие цветастые слюнявые хрипоты его тянули меня всё дальше, и существо начало прыгать на скалы: ударяя меня о камни, ото чего я трижды терял сознание, существо удивительно своим габаритам ловкостью взбиралось на нескончаемую, продолжающуюся туманами небес гору: однако оно сорвалось, отпустив меня и улетев вниз: я свалился в дыру: дыру, открывшуюся только одной стороною, тут же сомкнувшуюся ожогом радужных петель, напоминающих оковы озеленевших отравленностями взмывших радугами пробившихся копиями молитв человеческих лиц коченений человеческих цепей млекопитательных быстрослышащих рук: за

впившимся в скалу стеклом, в которой меня разъедал яд, я не умирал, и во заточении этом я провёл четыре года.

Из горячей, прожигающейся альмандиновыми взбуханиями народившегося жирными, сверившимися нескончаемо плотной, срывающейся во себе и о себя чернениями спепеляющейся водоложенностями накренившихся осамостоятельностью вперившихся морщинами сжимаемых тяжестию врождаемого внутри ветров коснений сред пыли ватой облаками туманами пепла темноты невоозримо мощным, остигающим скоростями сил поразивших окружности полагающихся наследностями ощёлкивающегося оздесь серениями белеющих сполыхающихся горнилами сражённых золотистыми искрами вочинающихся прав действительностей тоих властей молниями воздушных времени степенений свистов уколom сперва будто и плюнувшегося одно сместившимися ко небесам слитками уставленных вселенности очуждных-де светами сил блестящих грозами появлений существа совершенно прочного и во одавленностях действительных только во необращениях смешавшей человека со животным гордыни миров ударов прошений ветров огня прошло создание: и создание это было драконом: гигантский, могущий клювом своим пожрать кита серебристый дракон имел шесть лап, и имел он оместо главы драконьей главу человеческую, и начинался хвост его ко спине колоссальной размерами своими лошадиной челюстью, что бронёй держала четырнадцать челюстей животных, настающих всё меньшим размером главы своей, и челюсти эти имели мясо, во которых ониксами пустоты чернели дыры глаз. Дракон вспарил, и бок его прибил ветра миров ко склону, и сдарялись тысячи осколков о склон, и свился дракон боком своим, и сверкнул он радужным освещением властей своих, и; довольно небольшая же во жирных, скадившихся силами причинившихся нарубевшимися греющимся осками учтевающихся округами дубеющих улыбаниями настревающихся землепадами рухнувших навившимися тканями слезших плёнками сменившейся огнями продолжающихся невосстаниями груденеющихся зубьями ураганов влечин знамён боли небес горами миров смертей вихрей смешаний пламенем полостями опуханий пузах просевшееся сребристостями ниспадающихся острыми, блестящими негранениями громко пощёлкивающихся звонами сплетающихся нетрениями учинившихся нагорениями слабеющих властями монастырских овечных прещений полей велений стуков лезвий мечами, соостающих ядовитостями сверкающих щебечущими густотою раскатом кодрожащегося расколами укренившихся начастностями лостающихся чернотами словно обивающихся осреди полагающихся оставленными некрасняниями взбухающихся моторами сосвобождающихся воконченностями краснеющих уставлениями начинающихся кругами престнувшихся воработностями стравленных исполинами дракона частей глав озрений рёвов сосудов стенами домов пластин каменных плотностями своими несокрушаемыми роговин

влас новин морозов мира землетресениями баханий чешуй тела его глава была облика человеческой, да во ней пустотою морд нажившихся на спине во продолжениях хвоста зверей чернела мга неприсутствия, и бездвижные блеклые глянцежитости беления вздымались прежде воправленным аккуратными пухлыми, даже чуть женскими излишностью внимательности формы своей губами ртом, и скулы его всасывались темнотою болезни, и изо рта дракона выходил острый чёрный конус, и; вершающиеся соединёнными во кресте длинные лезвия сточали шесть лап его, что нарывами стяжений насливающихся тяжестью съединяющейся плетениями чернеющихся смоченными глинами красок плотными, прслевающимися отостаяниями соканчивающих зубцы сседающихся повелениями обезображено ломающихся гамами сдаряющихся нацелениями уставшихся довольностями целений сил властей бетонов проволок кож его блёсток тканями чешуй связок кроны сосудов, и локти его граничались тяжёлыми камнями сворачивающих округ него радуг стревающихся линиями упроченных линиями обновившихся свершёнными зрекающихся осками лиц драконьих роговин витий полос перламутров стёкол, и тонкие ожания внешне еле держащихся на массивном серебряном, на деле куда более хрупким, нежели остовные крепёжностии вовсе стаивающихся бесцветной призрачностью стачивающего кресты мощных, нагревших облитыми рудами некопотливых желез мышцами лап его горизонта крыльев, теле крыльев его, и мощная широкая спина дракона держала ближе ко спине небольшой, овласевшийся иглами гридеперливых крючковатых наконечий бугор, с которого сходили далее иногда рыкающие сиренами неограниченных, способных неочинённою волии своей откусить восставший крупнениями надрепевшихся корневинами могущества учитаний остров сил гладкости лишённой глаз лошадиной морды, и темнота рокотливой тишины этой иногда ощёлкивалась отодалённостью стравившихся горячими окраенных бурдовостями начерневшихся рябениями скруглившихся коробениями довольнеющихся трупностями сливающихся незаметностью раздражающихся наавленностями непричтаний ветров капель смол начал оперений иначностей отех злат прав, и морды остальных животных также чуть заметно ошевеливались, и было видно, что главы эти страдают, и тогда во иянности видов тех, что прекрасны неопровержимою самостиями довольностей оказывающегося знаком творца тоего чуда силою, глава человеческая выплонула мгновенно изо рта быстро раскрывшийся хлюпнувшим звонами колоколов зычным распахиванием чёрный клюв, и во нутрях клюва того были нескончаемые начала челюстей человеческих до носа, кои складывались той же ослабленной грядой оперения, и скрипом рокота стверделись челюсти эти вставшими чешуями, и оперво тихим, медленно доходящим до калечных услыханий моим взрывом огласились начала огней того, и жирным громом пепла стачивались миры подле, и воздуха оседали жарящими огнями преисподней, и дракон ультрамариновыми горящими

пламенениями спепелил несташнее омне, и улетели сотни китов во вихрях шевелений его, и во очревениях отне меня драконья глава отплюнула клюв, и во рвотах продолжающей течь умираниями пчелы синей, сблёвывающейся крошащей скалы громкостью своей хрипотой лавы дракон воскреснул, что повинуется он воле Господа, и тогда скрылся он во прежнюю темноту пожирающих, подобных дракону дымов.

Цмерден был убит драконом, и после того воскрес телом, подобно произошедшему четыре года назад, у самого основания скалы. Во следующие шесть лет во гладе сказившихся тела и души его мучения Цмерден взбирался на скалу, после чего упал: после он снова стал взбираться на неё, поднялся во скалу и поработил Коринф: скала искажала время, пространство, плоти и души, и были во первых шестидесяти трёх опухолях скалы нескончаемые новиною сил своих и видов чудовища, и сражался с ними Цмерден бессонными, сменяющими отдельностями гравитации и погоды, иногда смывающие покровы наслаивающих бесчисленные оболочки самых разнообразных, во многом употребимых и ко орудиям, сходных тем, во которое Цмердена всадило обшитое человеческой кожей существо, растений горячей прежних, годами, и были мучения Цмердена страшны, и ко моменту взбирания ко Коринфу потерял он прежний явлениями целей рассудок, и стал он людоедом, подобным худшим из тех, рядом с которыми он жил все первые пыточные, проявляющиеся гридеперливою пестротой щемящей холодами пропахших трупами слабых земель смерти года свои. В родных землях Цмердена никто не узнал о его подвиге, и при нарождении Гибели все они были сожжены.

И грезились ему
И хлеб, и чая вата:
Была гора, и велика та
Была же сила человека:
Он знал, что прежде же никто
На склон тот не взбирался:
Знал он:
Я упаду, и: овершив беду,
Он станет мясом безобразным:
Безмолвным трупом язвы гнили:
Знал: его же тело
Не станет для иных
Разлихой
Памятства, да воли:
Все будут знать,

Что этот: глупый:
Что он спротивился горам:
Подумаю, будто разум шумный
Его подвинет небеса.
Он знал, что вечера иные
Ему придётся провести
На нитях сваленных тех тканей,
Что на земле бы он не снёс:
И принцип кучный, несправедливый
Его подвиг скалу пресечь:
Не знал он тонкостей, деталей,
И были, может, все мертвы:
Да Цмерден, на скалу взбираясь,
Все прежние раны спепелил,
И более язвы страшны, толсты
Его не били. Не крались
Болезни прежние, безумье:
Всё стало так, и все клялись,
Что Цмерден, этот же безумец
Свой род скорбленьем сокрушил:
Раз может этот сильный, юный
Малец на гору возойти,
То поколения неживших трупов:
Всё было... ложь: обман безумный;
Безумие неверья так же... так сильно
В парне окрепясь, его тела оделав сильным...
И... народясь: в Коринфе:
Он Власа жертвой станет:
Той, что даже Синего Гиганта
Сокрушит в огнях: и смерть:
Гибель та, что народит
Во бывшем Брением гиганте
Подсказку к правде:
Завопит
Железный,

Ибо он:
Боялся править тишиною:
Он не хотел смертей тех:
Пыли:
Когда же Белый
Есть туман.
Саркоптозовы туннели
Породили грозный труп:
Небеса, сливаясь сталью
Народили мой недуг.